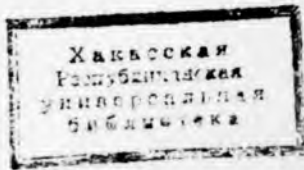

Хакасский
научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории

ИСТОРИЯ ХАКАСИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН
ДО 1917 ГОДА

Москва
«НАУКА»
Издательская фирма
«Восточная литература»
1993

Глава 3

ДРЕВНЕХАКАССКОЕ ГОСУДАРСТВО (VI—XIII вв.).
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1. Древние хакасы и тюрки

В начале VI в. в Южной Сибири произошло важнейшее историческое событие: на Алтае и в Хакасско-Минусинской котловине возникли два самобытных государственных образования. Оба они развили высокий для того времени экономический потенциал в результате расцвета горного дела, металлургии и ремесла (в первую очередь железоделательного и кузнечного производств). Благодатной базой для этого послужили богатейшие залежи разнообразных полезных ископаемых, которыми изобилует Саяно-Алтайское нагорье. В результате произошло отделение ремесла от земледелия и скотоводства. В первую очередь выделились мастера — рудознаты, металлурги, кузнецы и ювелиры.

Несомненно, что это был глубинный процесс внутреннего развития обществ древних алтайцев и енисейцев. Но следует принять во внимание и то, что развитие горнорудного производства и черной металлургии у южносибирских этнических групп постоянно стимулировалось захватнической политикой очередных хозяев Центральной Азии, заинтересованных в первую очередь в получении массовой продукции железоделательного, бронзолитейного и ювелирного ремесел. В III—I вв. до н. э. именно эти экономические причины привели к захвату гуннами южносибирских и забайкальских горнорудных месторождений. Источники сообщают, что еще в середине V в. южноалтайские тюрки-тугю были профессиональными рудокопами и железоплавильщиками, добывающими «железо для жужаньцев», т. е. для государства центральноазиатских жуаньжуаней, в которое они входили на положении данников. В 536 г., когда усилившийся древнетюркский владетель Тумынь, «полагаясь на свою силу и многочисленность», просил в жены дочь жуаньжуаньского государя, он получил такой оскорбительный ответ: «Ты мой плавильщик; как же осмелился сделать такое предложение?». В 568 г. алтайские тюрки предлагали «купить у них железа» в кричах прибывшему к ним византийскому послу Зимарху.

Это свидетельствует не только о специализированной торговле железом, но и о наличии на Алтае в V—VI вв. массового производства товарного железа и, следовательно, высокоорганизованной горнодобывающей и железоплавильной промышленности. То же сообщают источники и о древних хакасах.

Во главе обоих южносибирских государств стояли тюркоязычные этнические группы, имевшие разное происхождение. Государство древних алтайцев возглавила этническая группа, называвшая себя «тюрк» (кит. тугю/тукюе). Кагапы и знать древних тюрков были выходцами из аристократического рода Ашина. В исторической науке это государство получило наименование Тюркского каганата (VI—VIII вв.).

Государство енисейских племен возглавил аристократический род Кыргыз (кит. гяньгунь/цзяньгунь). Так как государство с самого начала было полиэтничным и в нем большую силу имел не только тюркоязычный, но и самодийский («касский») компонент, то его население называло себя «хакас» (кит. гакас, хагас/сяцзясы и т. п.). Поэтому в исторической науке это государство VI—XIII вв. получило название государства древних хакасов, или кыргызов.

Письменные источники отчетливо различают происхождение алтайских тюрков-тугю и древних хакасов (кыргызов). Это выявляется при анализе древнейших легенд об их происхождении, записанных по рассказам самих древних тюрков и хакасов в раннем средневековье и сохранных китайскими летописями.

Легенда о происхождении тюрков-тугю общеизвестна. Прародителями их считались четвертованный врагами, но чудом уцелевший мальчик и волчица, поселившиеся в пещере на Алтае и породившие 10 сыновей. Один из их внуков «царствовал между реками Афу (Абакан) и Гянь (Кем-Енисей) под наименованием Цигу» (т. е. Чика.—Л. К.), второй «превратился в Лебедя» (т. е. стал Ку-кижи — родоначальником североалтайских лебедицев.—Л. К.), а старший внук Надулу-шад был поставлен государем «под наименованием Тюрк (Тукюе)».

Легенда о происхождении гяньгуней (кыргызов) иная. Услышав ее, летописцы записали, что рыжеволосое, белолицое и голубоглазое племя гяньгуней по происхождению «не принадлежит к породе волков» (т. е. тюрков.—Л. К.). Гяньгуни появились от сочетания бога с коровой в горной пещере. Других подробностей запись легенды не содержит.

Цигу, жившие между реками Афу (Абакан) и Гянь (Кем-Енисей), т. е. на Западных Саянах и в Туве (между верховьями Абакана и Каа-Хема), и бывшие, согласно легенде, родственниками тюркам-тугю,— это тюркоязычные чики, упоминавшиеся в рунических памятниках орхонских тюрков и уйгуров¹.

В 552—555 гг., как сообщают письменные источники, восставшие алтайские тюрки-тугю уничтожили власть жуаньжуаней над Центральной Азией и основали свое государство. Первый Тюркский каганат (552—630 гг.) занимал огромную тер-

риторию от Черного и Каспийского морей до Великой китайской стены и от Алтая до Тянь-Шаня и Восточного Туркестана.

Третий тюркский каган Кигинь (Мухан) в 555 г. «на севере покорил Цигу» (т. е. племенное объединение тюркоязычных чиков, живших в Туве) и включил таким образом весь бассейн Верхнего Енисея (до Саянских гор на севере) в состав своего государства.

После разделения в 581 г. первого Тюркского каганата на западный (с центром в Семиречье) и восточный (с центром на р. Орхон) Алтай и Тува оставались в составе Восточнотюркского каганата до его падения в 629—630 гг. Однако чики не смирились и ждали момента, чтобы сбросить тюркское иго. Так, под 583 г. источники сообщают, что «цигу, которые властвуют к северу от тугю, со скрежетом зубовным ожидают своей возможности [отомстить]».

В 629 г. территория Саяно-Алтайского нагорья была захвачена телэским племенем сйеяньто, а в начале 40-х годов VII в. она вновь попала под власть тюрков-тугю, возглавляемых жившим на Алтае Чеби-каганом, восставшим против сйеяньто и Китая. Чеби подчинил себе чиков и карлуков, но включение Тувы и Алтая в одно государство оказалось кратковременным и продолжалось до 650 г., когда восстание Чеби было подавлено. После этого в течение 30 лет Центральная Азия считалась подведомственной различным наместникам, управление которых было, по существу, фиктивным. Хроника династии Тан (618—907) свидетельствует, что «тридцать лет в северных странах не слышали военного шума».

В 679—682 гг. всю Центральную Азию потрясли непрерывные восстания восточных тюрков-тугю, результатом чего было их освобождение от формальной власти танских императоров и создание нового самобытного государства — второго Восточнотюркского каганата (682—745) с центром на р. Орхон.

С 650 по 709 г. тюркоязычные племена Тувы, возглавляемые чиками, были достаточно сильны, чтобы совместно с жившими к северу от Саян древними хакасами (кыргызами) стать врагами восточных тюрков-тугю (ср. текст на памятнике Бильге-кагана: «Когда мне было двадцать шесть лет, народ чик с кыргызами стали [мне] врагами»).

В 709 г. тюркский каган Мочжо направил против чиков войско под командованием шада Могиляна, который в сражении при Орпёне в Туве (современное Урбюн — местность при впадении р. Чаа-Холь в Улуг-Хем) разбил чиков. Затем тюрки захватили и подчинили себе тюркоязычных азов, которые обитали преимущественно на плоскогорьях и в высокогорных степях юго-восточного Алтая и отчасти по Саянскому хребту (на Алашском плато в верховьях рек Алаш, Ак-Суг и на оз. Кара-Холь).

Снова владельцами Тувы и Алтая стали тюрки-тугю. После включения этих земель в состав второго Восточнотюркского

каганата большая армия восточных тюрков под командованием Тоньюкука при участии полководцев Могиляна и Кюль-тегина зимой 710 г. прошла через Туву для того, чтобы, перевалив Саяны (из долины р. Ак в долину р. Аны), нанести удар по соседним хакасам.

Но если чики, среди которых уже с середины VI в. жили тюрки-тугу, покорились им, то азы, оправившись от поражения 709 и 710 гг., восстали вновь. Понадобилось послать войско во главе с Кюль-тегином, чтобы в 715 г. в жестоком сражении при оз. Кара-Холь в Западной Туве разгромить войско азов: «Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-Кёле (Черное озеро.— Л. К.); Кюль-тегину шел [тогда] тридцать первый год. На своего белого коня, героя Шалчы, сев, он бросился в атаку, схватил эльтебера азов; народ азов тогда погиб»². Конечно, этот текст не следует понимать буквально. Очевидно, разбив азов и захватив их эльтебера, тюрки-тугу уничтожили самостоятельность азов. Под 715 г. азы в Туве упомянуты в последний раз; без прямой локализации они еще раз упомянуты около 753 г. в уйгурской Терхинской надписи.

В дальнейшем территории Тувы и Алтая, вплоть до падения второго Восточнотюркского каганата в 745 г., входили в его состав.

Обратимся теперь к истории древнехакасского государства, занимавшего в VI — начале IX в. территорию Хакасско-Минусинской котловины. С запада его граница проходила по Абаканскому хребту и Кузнецкому Алатау, с юга — по Западно-Саянскому хребту (в те времена он назывался горами Кёгмэн), с востока, вероятно, по Восточно-Саянскому хребту. На севере владения государства ограничивались таежной зоной и доходили вплоть до устья р. Ангары.

В VI в., сразу после возникновения первого Тюркского каганата, кыргызские вельможи, возглавлявшие молодое енисейское государство, старались, видимо, сохранять дружественные отношения со своими грозными соседями. К 50-м годам VI в. относится сообщение надписи на памятнике знаменитому древнетюркскому полководцу Кюль-тегину (умер в 731 г.) о том, что на поминальное оплакивание первого тюркского кагана Бумыня (Тумыня), умершего около 553 г., среди представителей других народов прибыли и кыргызы. Судя по косвенным данным, тюркские отряды, проверяя силу молодого древнехакасского государства, совершали в ту пору лишь отдельные грабительские набеги в Хакасско-Минусинскую котловину. Предполагать это можно потому, например, что в 568 г. византийского посла Зимарха, прибывшего с миссией на Монгольский Алтай, тюркский каган Дизабул «почтил пленницею; она была из народа так называемых херхисов», т. е. из «кыргызов» Енисея.

Эта безымянная рабыня княжеского происхождения была,

вероятно, одной из первых древнехакасских женщин, попавших в Европу. Византийский историк конца VI в. Менандр Протектор особо выделил эту экзотическую восточную пленницу в свите Зимарха, вернувшегося в Константинополь в 569 или 570 г.

В 629 г. одно из усилившихся тюркоязычных телэских племен, сйеяньто, до того подчинявшееся западным тюркам-тугю, захватило власть над Центральной Азией и Южной Сибирью. «Новая танская история» сообщает: «Хягасское государство зависело от Дома сйеяньто, который имел там своего гйелифу для верховного надзора». Очевидно, зависимость заключалась в уплате дани под присмотром сйеяньтоского наместника — эльтебера. Но власть государства сйеяньто была кратковременной.

В эту пору в северо-западной части Центральной Азии после падения первого Тюркского каганата происходила борьба различных тюркоязычных объединений. В источниках сообщается, что в 638 г. каган северной части западных тюрков Дулу захватил земли «Гйегу», т. е., по-видимому, кыргызов. Так как никаких дополнений о последствиях захвата не сообщается, а Дулу вскоре умер, следует полагать, что дело закончилось очередным грабительским набегом. Около 647 г. номинальным правителем Саяно-Алтайского нагорья стал живший на Алтае Чеби, объявивший себя каганом восточных тюрков-тугю.

Все это, однако, не мешало древнехакасскому государю не только оставаться правителем своей страны, но и продолжать вести независимую внешнюю политику. В 632 г. китайский император Тайцзун отправил чиновника Ван И-хуна посланником в далекое владение Хагас, чтобы установить посольские отношения Китая с этим государством. В 643 г. в танскую столицу пришло первое ответное древнехакасское посольство, которое привезло императору в подарок «соболиные шубы и соболиные шкуры».

И наконец, в 648 г. к танскому двору прибыл правитель древних хакасов «сылифа (т. е. эльтебер.— Л. К.) Сибоцой Ачжань». По данным хроник, он якобы заявил: «Так как я всем сердцем предан империи, то надеюсь получить правительственную должность и держать чиновничью дощечку (символ вассалитета.— Л. К.), и только». Очевидно, в сложной политической обстановке правителю хакасов было важно заручиться поддержкой великой державы и установить торговые взаимоотношения. Ему присвоили чин генерала и должность главного правителя Цзяньгунь (или генерал-губернатора Цзяньгунь). На деле это не вело ни к какой зависимости хакасов от танского двора.

В 654 г. «еще раз отправили посланника представить дань ко двору». Посол передал следующую просьбу государя древних хакасов: «В самом Китае имеется много наших людей. Ныне желаю, чтобы их отпустили на родину». Это сообщение свидетельствует о том, что в середине VII в. многие древние

хакасы по различным причинам, возможно и с целью торговли, попадали в Танскую империю. Тогда же император Гаоцзун послом к хакасам «отправил Фань Цяна, во множестве награждал парчой, по-прежнему [хакасы] ездили, чтобы произнести приговор [о выкупе], как только находились люди, которых следовало выкупить».

В последнем случае речь шла, очевидно, о выкупе тех людей, которые были угнаны и проданы в рабство тюркскими правителями разных районов Центральной Азии в столь смутное время. Из других источников известно также, что в Китай в те времена приезжали не столько древнехакасские послы, сколько торговцы, пригонявшие для продажи и обмена на шелковые ткани табуны степных лошадей, которых не разводили в танском Китае. Такие торговые «посольства» относятся к 648, 653, 675, 707, 709, 711, 722, 723, 724, 747 и 748 гг. Обычно послы с подарками приезжали в начале или в конце года во время больших праздников. В этом случае они и сами получали награды и подарки. Нельзя не отметить, что особые посольства возглавлялись тегинами, т. е. принцами — сыновьями древнехакаского кагана. Так, в 722 г. приезжал тегин Исибо Шэючжэ Биши, в 723 г. — тегин Цзюйли Пиньхэчжун. Им обоим были пожалованы воинские чины.

Посольские и торговые связи древние хакасы старались завязать и с другими восточными государствами, например с Тибетом. Так, сообщается, что в августе — сентябре 711 г. император Жуйцзун получил сообщение, что в Тибете находится прибывшее туда ранее хакасское посольство, «не желающее входить в Хань» (т. е. в Китай. — Л. К.). Это сильно обеспокоило Жуйцзуна.

Таким образом, развитие внешних сношений древнехакаского государства шло довольно активно, невзирая на неутрахающие стычки и войны древних хакасов со сменяющимися друг друга различными тюркоязычными государственными объединениями в Центральной Азии (сйеяптыо, западные тюрки, восточные тюрки-тугю и др.).

Наиболее опасными врагами древних хакасов в этот период являлись орхонские тюрки. В надписях орхонских тюрков, относящихся к 20—30-м годам VIII в., сообщается, что кыргызские правители древнехакаского государства были противниками усиления восточных тюрков-тугю уже в период жизни основателя второго каганата, кагана Ильтереса (кит. Гудулу), который умер в 693 г. В 709 г. кыргызы и их соседи, чики и азы, жившие в Туве, открыто выступили против каганата. В надписи на памятнике полководцу Кюль-тегину говорится, что в период правления его дяди, кагана Капагана (Мочжо), «перейдя через Кёгменскую [чернь], мы ходили войною вплоть до страны киргизов». Эта война, как памятное для древних тюрков событие, описана в ряде эпитафий (Кюль-тегина, Тоньюкука, Бильге-кагана). Она произошла в 710 г., когда Кюль-те-

гину было 26 лет, а его брату Могилян, будущему Бильге-кагану, — 27 лет.

В надписи на памятнике Кюль-тегину разъясняется, что древнехакасского государя, правившего в начале VIII в., звали Барс-бег. Правители тюрков попытались склонить его к васалитету: «Мы в то время даровали [ему] титул кагана и дали [ему в супружество] мою младшую сестру — княжну» (дочь покойного Ильтереса). Это произошло между 693 (год смерти Ильтереса) и 709 гг., когда кыргызы и чики выступили против тюрков. Однако Барс-каган, став зятем Кюль-тегина и Могиляна, не пожелал быть вассалом восточнотюркского кагана. В тексте на памятнике Тоньюкука сказано: «Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган». При этом выясняется, что Барс-каган, задумав решительную борьбу против второго Восточнотюркского каганата, заключил союз с «каганом народа табгач» (т. е. императором Китая) и «каганом [народа] десяти стрел» (т. е. каганом западных тюрков Средней Азии, которым в начале VIII в. был каган тюргешей).

Узнав о создании крайне опасной для них вражеской коалиции, правители Восточнотюркского каганата собрали крупные военные силы. Чтобы обезопасить свои северные тылы, они предприняли в 710 г. военный поход против государства древних хакасов.

Выяснив, что дорога через Кёгмэн (Саяны) «одна и она завалена [снегом]» (речь идет о наиболее пригодной для прохода войск, действующей и поныне скотопрогонной тропе с р. Ак-Суг вверх по Манчуреку на Арбаты и р. Абакан), конное войско восточных тюрков, с большими трудностями переправившись через р. Ак-Тэрмель (ныне Ак-Суг), только на десятые сутки пробилось в верховья р. Аны. При этом тюрки убили проводника из местной народности степных азов, который сознательно завел врагов в труднопроходимые саянские таежные дебри.

Перейдя горы Кёгмен («с большим трудом», как указывает памятник), «и ночью, и днем мы быстро скакали. На киргизов мы напали во время [их] сна... проложили [путь] копьями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану и повиновался [ему]». Так описано завершение похода на памятнике Тоньюкука.

Если отбросить типичный для произведений средневековых тюрков поэтический прием нападения на врагов во время их сна, то, судя по данному тексту, тюрки столкнулись с древнехакасским войском, во главе которого стоял военный предводитель — хан, а не кыргызский Барс-каган. Этот хан и был убит во время боя.

Но в тексте на памятнике Кюль-тегина сказано, что Барс-каган «сам ... провинился, [а потому] каган умер (т. е. был убит.— Л. К.), а народ его стал рабнями и рабами. Говоря:

„Пусть не останется без хозяина страна Кёгменская“, — мы завели порядок в немногочисленном народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали [страну для управления киргизу?]. И далее: «Проложив дорогу через снег глубиною с копые и поднявшись на Кёгменскую чернь, мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Соуга... Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли».

Очевидно, что Барс-каган, придерживавшийся оборонительной тактики, был убит в сражении, которое произошло в горном лесу в урочище Сонга, т. е., по нашему мнению, в верховьях р. Сон в Батенёвском кряже, отделяющем северную часть Хакасии от южной. Вероятно, после прорыва через Кёгмен тюркское войско («и ночью, и днем мы быстро скакали...») без боя прошло через степи Южной Хакасии, а решительное сражение было дано ему, как мы уже сказали, во «второй тайге», в Батенёвском кряже в долине р. Сон, чтобы не пропустить тюрок в Северную Хакасию, где традиционно располагались коренные земли хакасского рода Кыргыз. Топоним Сонга сохранился не только в хакасском названии Сон-сух, но и в наименовании котловины в верховьях р. Сон. Прямую аналогию этому названию дает топоним Сорга. Так по-хакасски называется котловина, расположенная к югу за водоразделом на р. Сор-сух, впадающей здесь справа в р. Пююр.

Гибель Барс-кагана зимой 710 г. подтверждают и другие строки на памятнике Кюль-тегина. Когда был убит восточнотюркский Капаган-каган (716 г.), то на поминальном памятнике ему во главе камней-балбалов поставили «балбалом» камень, символизирующий убитого кыргызского кагана, который тем самым признавался главнейшим побежденным врагом покойного.

Другие подробности тюркско-древнехакасской войны 710 г. остались неизвестными. Следует полагать, что тюрки разграбили древнехакасское государство, часть жителей которого, вероятно, была угнана в рабство, но оно недолго оставалось под властью орхонских тюрок. У нас нет данных для утверждений о каких-либо переселениях восточных тюрок в Хакасско-Минусинскую котловину. Вероятно, после военного разгрома, вывоза трофеев и рабов покоренное население было обложено данью и оставлено под управлением местных правителей, согласных с верховной властью кагана восточных тюрок. Возвращение на родину всего победоносного войска восточных тюрок особо подчеркнуто в тексте на памятнике Тоньюкука: «Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кёгменскую чернь. Мы вернулись от киргизов». Возвратились они, скорее всего, через Прибайкалье³.

Отсутствие восточнотюркских гарнизонов или войск в Кёгменских горах подтверждает и вышеупомянутый вынужденный поход Кюль-тегина на азов в 715 г. Нельзя не учесть также, что уже на другой год после поражения древнехакасских войск,

в 711 г., в танскую столицу Чанъань прибыло древнехакасское посольство, а в 722 и 723 гг., как мы уже говорили, посольства хакасов в Чанъань возглавляли тегины, очевидно, подростки сыновья убитого Барс-кагана.

Наконец, в тексте на памятнике Кюль-тегина сказано, что после его смерти в 731 г. на поминки «от кыргызского кагана пришел Чур-тардуш Ынанчу». Это означает, что спустя 21 год после военного поражения древнехакасским государством по-прежнему управлял хакасский каган, который, очевидно, поддерживал с тюрками мирные или союзнические отношения.

О самостоятельности древнехакасских владык в столь тревожные годы второй половины VII и первой половины VIII в. рассказывают материалы танских хроник. В них вообще не упоминается о тюркско-хакасской войне 710 г. «Новая танская история» сообщает: «В царствование императора Гао-цзун (650—683) дважды приезжали к Двору. В правление Цзин-лун (706—711) представлены были местные произведения. Чжун-цзун подозвал посланника к себе и сказал ему: „Ваш царствующий Дом происходит из одного со мною рода (танская династия происходила от степного тюркского рода.— Л. К.), и я отличаю его от прочих вассалов“. В царствование государя Сюань-цзун (713—755) было четыре посольства с местными произведениями. В правление Кянь-юань, в 758 году, хойху (уйгуры.— Л. К.) завоевали сие государство; после сего хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство».

Таким образом, только уйгурский поход 758 г., во время которого было разбито 50-тысячное войско хакасов, танские хроники отмечают как определенный рубеж, когда внешние сношения древнехакасского государства со средневековым Китаем прервались на 85 лет. Но это случилось уже после того, как в 744 г. был убит последний восточнотюркский каган Озмыш и второй Тюркский каганат прекратил свое существование. Начался новый период в истории Центральной Азии — эпоха существования Уйгурского каганата.

Что можно сказать о раннем периоде древнехакасской государственности в VI—VIII вв.? Исторические и археологические источники этого времени чрезвычайно скудны. Судя по тому, что правителей древнехакасского государства письменные источники называют в VI—VII вв. то «старейшинами», то «сылифа» (эльтебер.— Л. К.), то местными титулами (ажо, бег, хан), следует заключить, что в этот период государственность хакасов набирала силу. Рунические надписи VIII в. различают два типа народов: народ с эльтебером (эльтеберлиг будун) и народ с каганом (каганлыг будун); титул «эльтебер» был ниже титула «каган».

Несомненно, что по традиции предшествующего таштыкского периода государством управляли представители одного и

того же местного аристократического рода Кыргыз (в рунических текстах — Кыргыз). Поэтому памятники восточных тюрков называют все население государства «кыргызским народом» (qurguz budun), а страну — «кыргызской землей» (qurguz jār), или «Кёгменской (т. е. Саянской) страной» (Kögmän jir sub).

Население еще с гуннского времени было организовано по военно-административному принципу. Оно было распределено по десяткам, сотням и тысячам. Такой вывод подтверждается и тем фактом, что все могильники знати (так называемые чаатасы) VI — начала IX вв. были сооружены на старых таштыкских кладбищах, обычно состоявших из склепов. Этим древне-хакасская знать не только утверждала свое происхождение от знати таштыкского времени, но и поддерживала территориальную преемственность расселения военно-административных единиц прошлых веков, отраженную в территориальном расположении кладбищ.

Наличие подобной военно-административной системы, построенной уже по феодальному территориальному принципу, свидетельствующему о более прогрессивном устройстве общества, нежели архаичное раннеклассовое деление, подтверждают и письменные источники XII—XIII вв., повествующие о древних хакасах.

Это значительно проясняет те сведения источников X в., в которых общество древних хакасов VI—VIII вв. изображается как диктатура военных: «В их государстве великий командующий называется Хэси-бэй, следующий [по чину] называется Ацзюйшэби-бэй, следующий называется А-ми-бэй. [Эти] три человека вместе управляют. В их государстве правительственные чиновники имеют должности цзайсяна (т. е. министра.— Л. К.), ду-ду (т. е. тутука.— Л. К.), затем звания цзянцзюня (т. е. воеводы.— Л. К.), дацяня (т. е. тархана.— Л. К.)».

Таким образом, енисейское общество VI—VII вв. было классовым, находившимся, очевидно, на раннем этапе становления феодальной системы производства, при несомненном наличии рабовладельческого уклада в крупных хозяйствах. Повествуя о тюркоязычных обитателях Восточных Саян, танский хронист пишет: «Хагасы ловят их и употребляют в работу»⁴. Основу экономики составляло мелкое частное хозяйство комплексного направления (земледелие, скотоводство, горное дело и металлургия, охота, рыболовство и бортничество). Судьбами крестьян, ремесленников и скотоводов распоряжался военный предводитель: десятник, сотник, тысячник и темник. Все общественное устройство было нацелено на постоянную борьбу с внешними врагами, которых в те века было немало. Государство усиленно развивало металлургическую базу для производства разнообразного вооружения и защитного снаряжения.

Древнехакасское государство, следовательно, сложилось как государство раннефеодального типа. Оно накопило высокий

для того времени экономический потенциал и крупные военные силы к началу VIII в., когда произошло выдающееся событие: каган и правители второго Восточнотюркского каганата вынуждены были признать мощь древнехакасского государства и объявить его равным себе каганатом, правителя его Барс-бега признать каганом, а сыновей его — тегинами. Мы уже говорили о том, что в надписи на памятнике Тоньюкука, официальном тексте, рассчитанном на прочтение его многими тюрками, есть место, где говорится о тройственном союзе врагов второго каганата тюрков. Там «кыргызский сильный каган» поставлен по политическому статусу в один ряд с императором танского Китая и правителем всех западных тюрков Средней Азии. Это факт чрезвычайной важности. Он, безусловно, свидетельствует о силе и высоком уровне социально-экономического развития древнехакасского государства в VI—VIII вв.

Почти 90 лет назад Д. Н. Соколов, изучавший тамги башкир, казахов и других тюркоязычных народов, сопоставил их с известными в то время тамгами, обнаруженными при рунических енисейских надписях на донцах серебряных сосудов, изготовленных в VI—VIII вв. в древнехакасском государстве. Даже на этих довольно скромных материалах Д. Н. Соколов, отметив усложненность древнехакасских тамгообразных знаков, сделал совершенно правильный вывод относительно рода занятий и общественного строя их носителей: «Тамги на обоих сосудах настолько сложны, что не подходят по своему характеру к родовым тамгам, особенно по способам удвоений: последние в тамгах родовых состоят просто из рядом поставленных тамг, каковы тамги арғынов и киргизских кипчаков; между тем тамги на сосудах удвоены более искусными способами, употребляемыми только у башкир, т. е. народа, употребляющего семейные тамги. Отсюда следует: тюрки, писавшие енисейским алфавитом в VII—IX веках, употребляли тамги как знаки собственности, о чем до сих пор было известно только по одному указанию китайских летописей. Причем тамги эти были семейными, следовательно, племенам, употреблявшим их, не был свойствен в ту эпоху родовой быт и, по всей вероятности, они были оседлыми или полуседлыми, подобно современным башкирам».

Это заключение Д. Н. Соколова было подтверждено нашими исследованиями обширных материалов по древнехакасским тамгам, собранным с эпитафий и наскальных пометок. И не только тамги VII—VIII вв., но и IX—X вв. оказались лично-семейными знаками крупных древнехакасских феодалов, владельцев земельных наделов, полученных ими от каганов на основе прав феодального вассалитета.

Оседлость древних хакасов VI—VIII вв. подтверждается не только сообщением «Тан-шу» о том, что древние хакасы «живут зимою в избах, покрытых древесною корою», занимаются земледелием и ремеслом, но и материалами, найденными в могильниках VI—IX вв., так называемых чаатасах. В курга-

нах культуры чаатас в составе жертвенной пищи неоднократно попадают кости домашних свиней, чаще всего поросят. Как известно, ни кочевники, ни полукочевники свиней не разводили.

Среди чаатасов отчетливо различаются как курганы рядового свободного населения, так и склепы знати, видимо бегов. Это семейные могилы, ибо вместе с мужчинами здесь нередко захоронены женщины и дети. Если умерших взрослых по обычаю древних хакасов непременно сжигали и хоронили лишь их пережженные кости, то малолетних детей (очевидно, как еще «безгрешных») погребали иначе — по обряду труположения. Изучение чаатасов приводит к выводу, что в обществе древних хакасов VI—VIII вв. существовали идеологическая классовая система и развитая модель современного мира. Месторасположение могильников типа чаатас свидетельствует о существовавшем в то время территориальном делении населения на военно-административные группы во главе с бегами-военачальниками: тысячниками и темниками.

2. Древние уйгуры и хакасы

Уйгуры — один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, происходящий из группы племен телэ. Уже в конце IV в. предки телэ становятся известны как скотоводы, жившие разрозненными родовыми группами в степях к северу от пустыни Гоби. Они были «храбры и сильны», искусны в «конной стрельбе из лука», ездили на телегах с высокими колесами, за что и назывались гао-цзюй (букв. высокотележные). После завоевания Центральной Азии в 552—555 гг. алтайскими тюрками-тугю уйгуры оказались в их подчинении. Летопись «Тан-шу» сообщает, что тюрки «их силами геройствовали в пустынях севера».

В период существования восточнотюркских каганатов особенно сильными были уйгуры, которые искони жили в бассейне р. Селенги. Начиная с 606 г. уйгуры, во главе которых стоял род Яглакар, неоднократно пытались освободиться от зависимости тюрков-тугю и создать свое государство, но эти попытки не увенчались успехом. Только после смерти в 734 г. последнего сильного кагана восточных тюрков, Бильге, когда второй Восточнотюркский каганат, раздираемый внутренними противоречиями, переживал глубокий кризис, уйгуры значительно усилились и вновь начали борьбу за свое освобождение.

Они возглавили объединение племем Центральной Азии, враждебных тюркам-тугю. Наиболее сильными их союзниками были тюркоязычные карлуки, жившие в это время между Алтаем и оз. Балхаш. После убийства последнего восточнотюркского кагана в начале 745 г. борьба уйгуров завершилась окончательной победой, и они стали полными хозяевами Центральной Азии. Так возникло новое государство — Уйгурский каганат (745—840).

Главу государства уйгуры называли каганом. Основные должностные лица также носили тюркские титулы. Первым каганом, руководившим борьбой за создание государства уйгуров, был Пэйло, происходивший из правящего рода Яглакар. Уже при нем территория каганата расширилась от Алтайских гор до современной Маньчжурии.

Пэйло наследовал его сын Моюн-чур (746—759), который был смелым и искусным полководцем. Он продолжал завоевательную политику отца, укреплял государство и завязал оживленные сношения с танским Китаем. В течение четырех лет (756—759) в Китае бушевало восстание, носившее в значительной степени антифеодальный характер. Его возглавили проживавшие в пограничных провинциях согдийские колонисты, переселившиеся в Китай в IV—VI вв. из Средней Азии.

Моюн-чур заключил с танским двором договор, по которому уйгуры помогали Китаю в борьбе с мятежниками. Объединенные войска кагана и императора сумели подавить восстание. За эту помощь Моюн-чур заслужил от императора официальное признание и пышный титул. В знак «мира и родства» танский император отдал ему в жены свою дочь. Кроме того, уйгуры ежегодно получали от Китая десятки тысяч кусков шелковых тканей и различные предметы роскоши, однако это не помешало им разграбить восточную столицу Танской империи, г. Лоян.

Моюн-чур и верхушка уйгурского каганата были озабочены укреплением своих северных тылов. Для этого необходимо было ликвидировать угрозу со стороны наиболее сильных северных соседей — древних хакасов, проживавших в Хакасско-Минусинской котловине к северу от Саянских гор, и их союзников, тюркоязычных чиков, живших на территории современной Тувы.

О борьбе уйгуров с северными соседями известно не только из косвенных сведений исторических хроник, но и из надписи на уйгурской каменной стеле, поставленной в честь кагана Моюн-чура в 758 г. уйгурами на берегу р. Селенги. Она содержит важнейшие материалы о событиях того времени.

По данным этого памятника, территория Тувы была завоевана уйгурами в 750—751 гг., и для этого им пришлось воевать с жившими там чиками. Отсюда следует, что после падения каганата восточных тюрков-тугю в 745 г. власть в Туве перешла к местным племенам, которых возглавляли чики. Они находились в союзнических отношениях со своими северными соседями — древними хакасами. Их союз был основан на давнем стремлении народов бассейна Енисея препятствовать захвату родных земель приходившими периодически, сменяя друг друга, завоевателями из Центральной Азии. На этот раз ими были уйгурские войска под предводительством кагана Моюн-чура, от имени которого в посвященном ему памятнике говорится: «В год Тигра (750 г.—*Л. К.*) я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем (теперь Улуг-Хем.—*Л. К.*). В тот же год [чики] подчинились».

Борьба уйгуров с чиками была, очевидно, упорной и кровопролитной. Будучи до этого свободными в течение коротких пяти лет, чики ожесточенно сражались против новых захватчиков. Недаром скупые строки памятника сообщают, что сам каган был вынужден провести в Туве целое лето, строить во враждебной среде свои лагерь и опорные военные крепости, устраивать «моления высшим божествам», испрашивая победу, и в знак установления власти над новой территорией сооружать каменные столбы с вырезанными на них грозными надписями, силу которых подтверждают выбитые на них личные тамги кагана. «Там я распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец, там я заставил построить крепостные стены, там я провел лето и там я устраивал моления высшим божествам. Мои тамги и мои письмена я там приказал сочинить [и врезать в камень]».

Только глубокой осенью 750 г. Моюн-чур, оставив в Туве охранные гарнизоны, ушел на восток, к р. Орхон, чтобы сразу же двинуться в поход против татар. Однако осенью 751 г. кагану пришлось принять срочные меры для удержания территории Тувы в своей власти.

Дело в том, что в течение года сложилась антиуйгурская коалиция племен Саяно-Алтайского нагорья, состоявшая из живших на Иртыше карлуков, оставшихся тюрков-тугу и древних хакасов. К роду Кыргыз, возглавлявшему древнехакасское государство, тюрки направили специальных послов с призывом выступить против уйгуров и поднять на восстание чиков, подпавших под власть уйгуров. Древнехакасский хан, согласившись с предложениями тюрков и карлуков, послал в Туву разведчиков и «летучие отряды» конницы, чтобы поднять восстание своих союзников — чиков. Это предприятие постигла неудача из-за предательства нескольких тюркских бегов, которые успели предупредить кагана уйгуров. Уйгуры сумели перехватить разведчиков, напали и рассеяли хакасскую конницу. В памятнике Моюн-чура об этом сказано так: «Смотрите, сказал я, хан киргизский проживает на краю Кёгменских гор в своем жилище, [говорят], он послал свои летучие отряды в сторону своих союзников, а на его летучие отряды мои люди уже напали, [говорят], и его разведчиков задержали». Осенью 751 г. Моюн-чур с большим войском вновь появился в Туве, переправился через Кем, прошел на запад и в битве у р. Болучу, на левом берегу Иртыша, разгромил войско карлуков. В это время с опозданием и в одиночку восстали чики, которые были жестоко усмирены специальным тысячным отрядом, посланным в Туву каганом.

Так закончились попытки населения Верхнего Енисея вернуть себе желанную свободу, и начался уйгурский период в истории Тувы. В Терхинской надписи того же Моюн-чура новые границы его государства определены следующим образом: «По Алтунской черни (т. е. Алтаю.— Л. К.) западную гра-

ницу, по Кёгмену (т. е. Саянам.—Л. К.) северную границу защищай!».

Бассейн Верхнего Енисея и прилегающая к нему часть современной Монголии стали северо-западными окраинами уйгурского государства, имеющими для него важное стратегическое значение, так как обладание ими позволяло уйгурам обезопасить себя от нападения сильных соседей — древних хакасов, алтайских тюрков и карлуков, живших в то время на территории современного Восточного Казахстана. Кроме того, обладание этим районом давало уйгурам доступ к важнейшим источникам рудного и металлургического сырья.

Для того чтобы окончательно закрепиться в Туве, каган, как повествует памятник Моюн-чура, прожил здесь в специально построенной крепости зиму и лето 752 г. Все это время шло строительство оборонительных укреплений и создание военных поселений. Для управления завоеванным населением Тувы был поставлен военный наместник с титулом «тутук». Ему подчинялись управители отдельных районов, носившие титулы «ышбары» и «тарханы», а также сборщики дани с покоренного населения: «Народу чик я дал тутука, ышбаров и тарханов я тогда утвердил». Вся эта военно-административная верхушка опиралась на уйгурские охранные войска, размещенные в Туве, в случае необходимости она получала подкрепление из центральных областей уйгурского государства.

Однако древние хакасы, жившие за Саянским хребтом, оставались постоянной угрозой для уйгуров, и поэтому в Туве по приказу кагана началась подготовка к походу за Саяны для разгрома хакасов и присоединения их государства к владениям уйгуров. Этот поход был осуществлен в 758 г. Памятник Моюн-чура об этом событии не сообщает, так как он был сооружен ранее. Только китайские летописи кратко рассказывают о том, что государство хакасов было завоевано уйгурами, а хакасский владетель получил от уйгурского кагана особый титул.

Временное поражение не привело к включению территории Хакасско-Минусинской котловины в состав каганата. Дело ограничилось лишь номинальным признанием верховной власти уйгуров, причем во главе государства хакасов остался прежний правитель, получивший на это право (очевидно, ценою откупа) вместе со специальным титулом от Моюн-чура.

Это подтверждается известным сообщением 800 г. о том, что северная граница государства уйгуров проходила в то время по Саянскому хребту. В энциклопедическом сочинении «Тундянь» («Общее уложение»), созданном Ду Ю (733—812 гг.), в гл. 200 говорится о Енисее как главной реке, пересекающей страну хакасов: «Это большая река, которая вытекает с севера [страны] хойхэ [уйгуров] через ущелье горного хребта».

Начатое в 750—752 гг. при Моюн-чуре строительство в Туве городов, крепостей и укреплений в виде длинных глинобитных стен продолжалось и после уйгурско-хакасской войны 758 г.

Нами изучены в Туве остатки 17 крепостей, окруженных по четырехугольнику глинобитными стенами, и 2 глинобитных бастонов. Все уйгурские крепости расположены стратегически продуманно, по одной дугообразной линии, обращенной выпуклой стороной к северу, в сторону Саянского хребта. Они прикрывают центральные, наиболее плодородные районы Тувы и всего Уйгурского каганата от возможных вторжений беспокойных северных соседей — древних хакасов. Крепости расположены цепочкой по долине р. Хемчик, начиная от его верховьев, далее по долине р. Чаадац, тянутся к устью Ак-Суга и затем по левобережью р. Улуг-Хем (Енисей) до его левого притока — р. Барлык. По этой же линии (от пос. Тээли к городищу Эльдег-Кежиг на Барлыке, по долине Хемчика и далее на Чаа-Холь и, наконец, к берегу Улуг-Хема в районе Старого Шагонара) проходила длинная глинобитная стена со рвом с северной стороны. Стена была сооружена в местах, не имеющих естественных горных преград. Она связывала городища-крепости, образуя единую оборонительную систему, также защищавшую каганат от вторжений с севера. Четыре крепости (на Эдеее, при устьях рек Алаш и Ак-Суг) построены на левом берегу Хемчика; кроме того, вход в Туву из-за Саянского хребта с севера, по самой удобной Арбатско-Манчурекской тропе, был «заперт» двумя глинобитными бастонами, сооруженными уйгурами возле брода через горную речку Манчурек. Создание мощных оборонительных сооружений потребовало огромных затрат и участия в строительстве значительного количества людей на протяжении нескольких десятков лет. Все это наглядно показывает, какую грозную силу представляло собой во второй половине VIII в. древнехакасское государство для Уйгурского каганата.

Уйгурское господство в Туве, начавшись в 750 г., продолжалось до 840 г., т. е. до времени падения их каганата в Центральной Азии. Но в начале IX в. государство древних хакасов настолько окрепло, что возглавлявший его хан вновь объявил себя каганом. Это вызвало затяжную войну между древними хакасами и уйгурами. Она началась около 820 г. и продолжалась 20 лет. На протяжении этого времени степи Тувы неоднократно становились ареной ожесточенных битв, так как древние хакасы старались изгнать уйгуров из этой страны, являвшейся ключевой позицией к выходу хакасов на просторы Центральной Азии⁵.

3. Древние хакасы и кыргызы

Государство древних хакасов, живших в Хакасско-Минусинской котловине, возникло в VI в. Его население делилось на ряд этнических групп, входивших в одно государство, но еще различавшихся между собой и по происхождению, и по языку. Ядро их составляли отюреченные местные племена и древняя немногочисленная тюркоязычная этническая группа гяньгуней

(кыргызов, цзяньгуней), переселившаяся на земли к северу от Саян из северо-западной Монголии через Туву в конце III — середине I в. до н. э. Левобережье Хакасско-Минусинской котловины и Северный Алтай населяли с древности угорские этнические группы, а правобережье котловины, Западные и Восточные Саяны — самодийские и кетоязычные племена. Постепенно складывалась средневековая тюркоязычная народность.

В VI—VIII вв. в исторических источниках для обозначения населения Хакасско-Минусинской котловины появляются термины «хакас» и «кыргыз». Важно понять их значение. Термин «хакас» встречается в китайских источниках, и возник он после того, как, по свидетельству «Синь Тан-шу» и «Тан-шу хечао», гяньгуньские племена смешались с динлинами» или, как уточняется, «их (цзяньгуней.— Л. К.) племя смешалось с динлинами»⁶. В различных сочинениях, начиная от периода Тан и до XVIII в., термин «хакас» в зависимости от старого или современного чтения слагающих его иероглифов звучит по-разному: «хакас», «хягас», «сяцзясы», «сягэсы», «хэгэсы» и т. п.

Современные синологи не едины в чтении древних иероглифов.

По данным Б. Карлгрена, иероглиф «ся» в кантонском диалекте до сих пор читается как «ха», «цзя-ка» и «сы-сы» или «цзи». Согласно Н. В. Кюннеру, предпочтительнее «старинное чтение» — «хакас» вместо современного «сяцзясы». С. Е. Яхонтов не признает чтение слова «хакас» в качестве реконструкции «хягасы (сяцзясы)» и утверждает, что «хягасы» — это одна из транскрипций термина «кыргыз». Однако мнение С. Е. Яхонтова было опровергнуто Н. Ц. Мункуевым, указавшим, что допущения С. Е. Яхонтова и его реконструкция слова «кыргыз» «недостаточно обоснованы. По-видимому, для термина „сяцзясы“ исходным было „гакас“ (с учетом ассимиляции)», и далее Н. Ц. Мункуев отсылает читателей к статье Л. Р. Кызласова о терминах «хакас» и «кыргыз»⁷.

Термин «хакас», правильно употреблявшийся в историографии, являлся местным самоназванием, так как в китайской транскрипции составляющие его иероглифы употреблены исключительно в фонетической роли и поэтому варьируются, утрачивая присущий им собственный смысл. Так, китайцы транскрибируют лишь чужеземные слова. О местном происхождении термина «хакас» прямо говорит «Тан-шу хечао»: «Впоследствии северные варвары в своем языке (здесь и далее курсив наш.— Л. К.) ошибочно (с точки зрения китайского историографа.— Л. К.) сделали хакас (сяцзясы), ибо уйгуры, говоря о них, как бы называли: желто-краснолицые».

В «Тан хуэйяо» хронист указывает: «Спрашивали у переводчиков, и те сказали, что хяга имеет значение «желтая голова, красное лицо». Видимо, уйгурцы называют их так. Но ныне посол (хакасов.— Л. К.) говорит, что они сами имеют это название. Не знаю, что правильно». Ссылка на истолкование мест-

ного самоназвания тюркоязычными толмачами-уйгурами, жившими при китайском дворе, показывает, что «хакас», как новое, не тюркское самоназвание народа, ни китайцам, ни уйгурам не было понятно. Поэтому уйгуры прибегли к сомнительной народной этимологии, тем более что термин «кыргыз» (кит. гяньгунь, цзяньгунь, гэгунь) был хорошо известен и уйгурам, и в Китае.

Танские хроники точно отразили не только действительно произошедшие в конце I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. этнические перемены, но и изменение самоназвания основного ядра населения Хакасско-Минусинской котловины. Ли Дэ-юй, писавший в 40-х годах IX в., утверждал, что «сяцзясы являются потомками цзяньгунь», а не самими цзяньгунями.

Западноевропейские, арабо- и персоязычные авторы, а также орхонские тюрки и селенгинские уйгуры не применяли термин «хакас», а употребляли слово «кыргыз». Его упоминает в VI в. византийский историк Меландр Протектор. О кыргызах повествуют и некоторые памятники орхонских тюрков.

Китайцы также знали термин «кыргыз», который они еще в период Хань транскрибировали как «гяньгунь» («цзяньгунь»), а в XIII—XIV вв. и позднее передавали гораздо точнее в форме «цилицзисы (киргис)», «цилицзисы (гиргис)», «хэлицизисы (хэргис, хыргис)», «циэргайсы (киргайс)», «циэргзисы» и т. п.

В танских источниках указывается, что «Хакас есть древнее государство Гяньгунь» и после того, как «гяньгуньское племя смешалось с динлинами», «северные варвары в своем языке ошибочно (с точки зрения историографа.— Л. К.) сделали слово хакас». Очевидно, что государство хакасов при династии Тан находилось на той территории, где в период Хань размещалось «древнее государство Гяньгунь», а «хакас» — местный термин, не тождественный «гяньгунь» (киргиз)», ибо в этом государстве жило разноплеменное население — гяньгуни после их смешения с местными племенами динлинов.

Записанное китайцами в VI—VII вв. чужеземное слово «хакас» нельзя считать транскрипцией тюркского слова «кыргыз», эквивалентом которого является «гяньгунь (цзяньгунь)», или «гилицзисы». Термин «хакас» в китайских хрониках по значению гораздо шире и точнее, чем «кыргыз», ибо он действительно охватывал все разноязычные племена (в том числе и кыргызов), входившие в древнехакасское государство. Термин «кыргыз» не был и не мог быть самоназванием всех племен, обитавших в составе древнехакасского государства. Тюркоязычные кыргызы, будучи ядром, объединявшим и возглавлявшим разноязычные племена и роды (угорские, самодийские и тюркоязычные), жившие в одном государстве, продолжали оставаться малочисленными и в VI—XI вв. Свидетельством тому являются все известные сообщения источников об их численности.

В тексте памятника Кюль-тегина при описании войны орхонских тюрок с кыргызами сказано: «Мы завели порядок в многочисленном народе кыргызов». А в «Синь Тан-шу» говорится, что «гяньгунь (кыргызы.— Л. К.) есть небольшой род», хотя там же указано, что все народонаселение государства хакасов в целом достигало «нескольких сот тысяч [семейств]». Это было сказано в эпоху экспансии, в 846 г., когда китайцы близко познакомились с положением дел в древнехакасском государстве. Однако вступивший в тот год на престол император Сюаньцзун отказался внести в царскую родословную кыргызский род государей хакасов по причине его малочисленности и чтобы не усилить его.

Из приведенных данных следует, что кыргызы были не особым народом, а аристократической родовой группой среди древних хакасов. Из их состава выходили беги, возглавлявшие каждую из древнехакасских групп. Старейшинами, ханами, а затем каганами в этом государстве становились люди из рода Кыргыз. Кыргызы составляли феодальную княжескую верхушку в государстве древних хакасов, а также позднее, в XVII и XIX вв.

Из-за главенствующей роли рода Кыргыз в государстве, население которого составляли разноязычные родо-племенные группы, орхонские тюрки-туго и уйгуры, а в дальнейшем и некоторые западные историки называли все эти племена кыргызами. Поэтому некоторые современные историки именуют государство древних хакасов государством кыргызов, упуская из виду, что подавляющее большинство населения составляли не кыргызы. Однако без учета последнего обстоятельства невозможно изучать конкретную историю древнехакасского государства.

Итак, хакасами китайские источники называли разноязычное население древнехакасского государства VI—XI вв., часть которого была тюркоязычной (цзяньгуни/кыргызы и отюреченная часть местных племен), а другая — самодийскоязычной. Возможно, было распространено двуязычие. Очевидно, что среди посланников и торговцев, приезжавших в Китай из государства древних хакасов, встречались люди, говорившие как на том, так и на другом языке. С их слов и были записаны танскими чиновниками древние тюркские и южносамодийские слова хакасов.

Термин «хакас» сохранился до настоящего времени. Так, С. В. Киселев отмечал, что «помещенное в китайской летописи наименование „хагас“, по-видимому, отражает самоназвание населения Минусинской котловины, сохранившееся до настоящего времени у качинцев, которые зовутся „хаас“». Н. Г. Доможаков считал, что древнее «хакас» является ранней нестяженной формой наименования «хаас». А «хаас» есть самоназвание одной из групп современных хакасов, неточно по-русски называемых качинцами. В нестяженной форме слово «кахас» сохранилось в названии группы башкир.

Ядро хакасской группы хаасов составляют сеоки, называемые «хасха». В это наименование также входит этноним «хас». Этноним «хасха» образовался в качинском диалекте в результате закономерной метатезы (перестановки слогов) из этнонима «хакас/хагас».

Этноним «хаас», широко распространенный среди современных хакасов, имеет древнее южносамодийское происхождение, так же как и самоназвание ныне тюркоязычных, а прежде в основном самодийскоязычных соседних с хакасами тофаларов — «карагасов» (роды «хааш» и «сарыг хааш»; группы: ак-хааш, кёк-хааш, хара-хааш), живущих по Восточным Саянам, и «кашинцев» (хааш) XVII в.

Это доказывает, что основное ядро качинцев составили отюреченные в глубокой древности южные самодийцы, сохранившие до нашего времени свое самоназвание, но уже в тюркской адаптации. «Хасха» (от «хакас»), т. е. качинцы, впервые упомянуты в «Юань ши» под 1293 г. Древние черты языка качинцев позволяют сделать вывод, что процесс их отюречивания проходил еще в эпоху древнехакасского государства в VI—XI вв. Во всяком случае, когда древние хакасы во второй половине IX в. включили в свое государство часть Западной Сибири, Прибайкалья, Туву и Северную Монголию, то они, переселяясь на новые земли, перенесли туда и свое название. Поэтому оно сохранилось у их отдаленных потомков в самоназвании родо-племенных групп: у башкир (кахас), тофаларов (хааш), тувинцев, окинских сойотов и дархатов-монголов (хаасут). «Хаасут» (хаазут) — та же стяженная форма слова «хакас», только оформленная ныне аффиксом монгольского множественного числа. Только у башкир сохранилась древняя нестяженная форма — «кахас». По тем же историческим причинам у башкир, тувинцев, бурят-булагатов, дархатов-монголов и даже якутов имеются также группы кыргыс (хиргис), ибо в составе древних хакасов переселились в Западную Сибирь, к Уралу, в Прибайкалье, Туву и Монголию и представители древнего рода кыргызов. Поэтому же, возможно, только хакасы, тувинцы, алтайцы, монголы и башкиры знают горловое пение — хай (кай).

В самом термине «хакас», таким образом, содержится первое свидетельство наличия в древнехакасском государстве «каских», т. е. еще южносамодийских по происхождению этнических групп. Древность их обитания доказывается самодийской топонимикой Саянского нагорья.

Появление термина «хакас» в письменных источниках VI—XI вв. в качестве названия государства и народа свидетельствует, что в древнехакасском государстве наряду с постепенно отюречивающимися угорскими и южносамодийскими родовыми группами сложилось новое тюркоязычное ядро местных племен (в него входили и кыргызы). Вокруг этого ядра шел процесс «перемалывания» ипоязычных этнических элементов и формирования средневековой народности. Это важнейшее историческое

явление способствовало созданию и укреплению сильного централизованного государства древних хакасов с общей экономической базой и единым литературным языком — енисейской письменностью.

Кыргызы в VI—XII вв. представляли собой не особый народ, а издревле смешанный (из-за брачных связей с другими родами) аристократический род, входивший в тюркоязычное ядро древних хакасов, от которого он ничем уже не отличался в этническом и культурном отношении, за исключением своего древнего самопазвания. Поэтому слово «кыргыз» (в том понимании, которое в него вкладывали персидские и арабские источники) выступает не как этнический, а как политический термин. Тот факт, что во главе государства стоял род Кыргыз, приводил к тому, что некоторые авторы прошлых времен ошибочно называли кыргызами все разноязычное население этого государства.

Институт аристократического рода имел большое значение в истории племен и народностей Центральной Азии и Сибири. Его нельзя не учитывать при восстановлении исторического прошлого.

К. Маркс писал: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в результате смешения победителей с покоренными племенами»⁸. Без понимания этого положения невозможно воссоздать историю развития классов и государства в Центральной Азии и Сибири, нельзя раскрыть особенности социально-экономических отношений общества и его политической структуры. Письменные источники постоянно упоминают аристократические роды у различных племен и народностей, начиная с государства гуннов.

Даже в период становления и развития классового строя, когда община у народов Центральной Азии давно уже стала по своему экономическому базису не родовой, а сельской, все же было принято называть попавшие в зависимость, различные по этническому происхождению племена и группы по имени господствующей аристократической группы.

Так случилось с центральноазиатскими «киргизами», которые являются далекими предками современных киргизов Тянь-Шаня и не связаны в своем происхождении с енисейскими кыргызами. Последнее отчетливо прослеживается при сравнении их физического типа. По сведениям всех авторов, енисейские кыргызы были в основном голубоглазыми и рыжеволосыми европеоидами, в то время как тянь-шаньские киргизы — самые монголоидные из всех народов Средней Азии и Казахстана.

Центральноазиатские киргизы были подданными монгольской Юаньской империи. Совместно с тюркоязычными восточно-кипчакскими племенами, их ближайшими историческими родственниками, они составляли особую армию, которую возглавлял известный юаньский генерал, кипчак Тутуха (тюрк. Тутук), а после него — его прямые потомки.

Эти киргизы не были родственны киргызам Енисея. Они, например, в 1293 г. в составе карательной армии Тутухи, действовавшей по приказу императора Хубилая, участвовали в безжалостном подавлении восстания саяно-алтайских племен (при этом была захвачена и истреблена знать енисейских киргизов). Их даже поселяли в качестве монгольских военных поселенцев на полуопустошенной оккупированной земле качинцев.

Происходили центральноазиатские киргизы из тех тюркоязычных племен, которые обитали в Центральной Азии еще в периоды тюркского (VI—VIII вв.) и затем уйгурского (VIII—IX вв.) каганатов. В 840—847 гг. эти земли были захвачены древними хакасами, во главе которых стояли каганы и беги из рода истинных киргизов. После того как восточные монголоязычные племена вытеснили древних хакасов из Центральной Азии обратно на Енисей, бывшие подданные киргизского кагана, центральноазиатские тюркоязычные племена в XII—XIII вв. восприняли имя киргизов, чтобы отличаться от монголов. Затем они попали на феодальную службу к монгольским властям⁹.

Изучая историю своего народа, киргизские историки все больше приходят к справедливым выводам о том, что нет никаких фактических данных о переселении киргизов Енисея на Тянь-Шань, что «сибирские киргизы не были этническим компонентом киргизской народности». Новые материалы, выявленные А. А. Арзыматовым, позволили ему заключить, что «современное население Хакасской автономной области, несомненно, является потомками древних киргизов, что подтверждают не только архивные источники, но и происхождение самого названия этого народа».

В Южной Сибири практика сохранения «старших», или «древних», аристократических родов прослеживается до современности. По указанию С. В. Бахрушина, у хакасов в XVII в. «собственно „киргизы“ составляли лишь один „род“, который был правящим, и потому вся земля называлась „Киргизской землей“». Изучавший этот вопрос киргизский историк А. Абдыкалыков также пришел к выводу: «Собственно енисейские киргизы не представляли собой многочисленного народа... Во главе киргизских улусов стоял господствующий род *кыргыз*, что и дало повод русским служилым людям называть киргизами все, даже некиргизские племена, входившие в состав киргизских улусов»¹⁰.

Было бы несправедливо называть государство енисейских племен VI—XIII вв. именем династийного правящего рода, а не по самоназванию большинства составлявшего его трудового населения. Это самоназвание имеется в источниках. Создали государство и населяли его в то время древние хакасы, и потому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов.

4. Древнехакасское государство в IX—XII вв.

В период господство уйгуров в Туве (750—840) древние хакасы вели с ними непрекращавшуюся борьбу. Положение особенно осложнилось в начале IX в., когда хакасский хан, почувствовав достаточную силу, объявил себя каганом. В сложившихся исторических условиях в Центральной Азии должен был быть лишь один каган. Каган уйгуров Бао-и (808—821) около 820 г. начал войну с хакасами. Об этом событии сообщается в надписи на памятнике, поставленном в честь Бао-и в уйгурской столице Орду-Балыке на р. Орхон (ныне от этой столицы остались одни развалины). В иероглифическом тексте этого памятника говорится, что хакасы (гянгунги) имели более 400 тыс. воинов, но уйгурский «чудесновоинственный» каган разгромил это войско, убил хакасского кагана; «коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела [гянгунгского владения] прекратились; на земле не стало живых людей». В согдийском тексте того же памятника сообщается только о 200 тыс. хакасских воинов, которых каган уйгуров «разогнал одной рукой во все направления друг от друга и взял его [хакасского кагана] государство».

Очевидная тенденциозность не позволяет доверять текстам этого памятника. И действительно, «Тан-шу» о том же событии сообщает: «Хойхуский хан (уйгурский каган.— Л. К.) послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну».

Таким образом, в стране хакасов не только остались «живые люди», но сохранилось государство, имевшее такие силы, которые позволили ему после двадцатилетней кровопролитной войны ликвидировать Уйгурский каганат.

Естественно, для военной победы одного государства над другим необходимо было, чтобы древние хакасы к рубежу VIII—IX вв. развили высокий для того времени экономический потенциал. Они действительно создали мощную базу для массового производства оружия разных видов, конского снаряжения и других предметов, необходимых для материально-производственного снабжения многочисленных войск. Древним хакасам пришлось пройти с боями на запад до Среднего Иртыша, на юг до городов Восточного Туркестана, на юго-восток до границ танского Китая и на восток до бассейна Амура¹¹.

Ф. Энгельс писал: «Насилие не есть просто волевой акт, а требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности — известных *орудий*, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным... победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно... на «экономической силе», на «хозяйственном положении», на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия»¹².

По данным персидского источника «Худуд ал-Алам», написанного в 982 г. и сообщающего о древнехакасской экспансии в середине IX—X вв., кыргызы «несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют».

По сообщению «Тан-шу», в уйгурско-хакасской войне верх одерживали хакасы. Их каган писал кагану уйгуров в те годы: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя».

Древние хакасы в этой борьбе, которая первоначально происходила на территории Тувы — крайнего северо-западного оплота уйгуров, выступали, очевидно, не одни. Их поддерживали многие племена Южной Сибири, и в том числе, вероятно, местные этнические группы Тувы, жаждавшие освободиться от ига уйгурских феодалов. Эти группы издавна имели тесные дружеские связи со своими соседями — древними хакасами. Завоевание Тувы хакасами можно разделить на несколько этапов.

Полностью территория современной Тувы была освобождена в 840 г., когда хакасские войска, воспользовавшись внутренними распрями между уйгурскими феодалами, прорвались в Центральную Азию. Их армия вместе с войсками восставшего и присоединившегося к хакасам уйгурского полководца Кюлюг Бага-тархана составляла грозную силу в 100 тыс. воинов. Уйгурский каган был убит в сражении, его столица Орду-Балык разграблена и сожжена, что подтверждается не только сообщениями «Тан-шу», но и археологическими обследованиями развалин города. «Синь Тан-шу», как и «Цзю Тан-шу», приписывает эту победу не хакасам, а полководцу Цзюй-лу мо-хэ (Кюлюг Бага-тархану): «Неожиданно вождь племени [по имени] Цзюй-лу мо-хэ объединился с ся-гэ-сы (хакасами.— Л. К.) и со 100 000 конницы атаковал уйгурский город. Убил кагана, казнил Цзюэ-ло-у (министра уйгурского кагана.— Л. К.) и сжег их столицу. Племена рассеялись». Но в разделе о хакасах сказано: «Полководец Гюйлу Мохэ привел Ажо (древнехакасского кагана.— Л. К.) в хойхускую орду. Хан (каган уйгуров.— Л. К.) был убит в сражении, и его дэлэ (тегины.— Л. К.) рассеялись. Ажо под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны (т. е. города Орду-Балык и Хатун-Балык.— Л. К.). Хойхуский хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и в плен взял Тхай-хо, царевну».

После этого разгрома значительная часть уйгуров (пятнадцать аймаков) во главе с министром Пан-тегином переселилась в Восточный Туркестан, где создала новое уйгурское княжество — Турфанское. Оставшиеся уйгуры продолжали борьбу с хакасами и в марте 841 г. избрали нового кагана, Угйе.

При разгроме уйгуров хакасы захватили жену кагана, китайскую царевну Тай-хо. Стремясь установить связи с танским

двором, они отправили ее с посольством из десяти тарханов во главе с Дулюй Шихэ. Каган Угйе догнал и убил послов, захватив обратно Тай-хо. Снова разгорелась война. Каган Угйе, будучи оттеснен хакасами на юг, напал на пограничные крепости и округа Китая, грабил города и деревни. В результате в войну с уйгурами вступили и китайские войска, которые разгромили уйгуров, взяли в плен несколько десятков тысяч их воинов и в августе 846 г. убили Угйе. Брат Угйе, Энянь, продолжал борьбу. При Эняне часть уйгуров переселилась на территорию современной Внутренней Монголии и на земли вплоть до среднего течения Амура, где жили племена хи и шивэй.

В 847 г. китайцы разбили хисцев, а хакасские войска (70 тыс. всадников) во главе с министром Або совершили поход на Амур, разбили шивэй и увели в плен захваченных там уйгуров, но, очевидно, не всех. Последний уйгурский каган Энянь бежал в Восточный Туркестан.

Так закончилась борьба с уйгурами. Государство центральноазиатских уйгуров поггло, и к 847 г. все боеспособные группы уйгуров в пограничных районах были разбиты. Большая часть уйгуров переселилась, как мы уже говорили, в Восточный Туркестан. Но все же значительное их количество в X—XII вв. проживало не только в Туве, но и по всей Центральной Азии к западу и к востоку от киданей. Даже на киданьской земле они имели свои города, в которых составляли большинство населения. В период владычества чжурчжэней в центральной части современной Маньчжурии проживало так много уйгуров, что они составили 18-тысячную армию, которой командовал чжурчжэньский полководец Ваньянь Чэньхэшана. Эта армия нанесла ряд поражений войскам монгольских феодалов, которым с большими потерями удалось все же в 1232 г. разгромить ее.

Следует заметить, что хакасы, очевидно, не стремились изгнать всех уйгуров, захватить Центральную Азию и сделать ее центром своего разросшегося государства. После взятия Орду-Балыка хакасский каган не перенес свою ставку на берега р. Орхон, где размещались административные центры сменявших друг друга империй Центральной Азии. Его ставка находилась на южной стороне хребта Танну-Ола, вероятно в долине р. Тэс-Хем, близ оз. Убусу-нур, в которое впадает эта река. Наместником кагана в бывшей Уйгурии был поставлен уйгур Кюлюг Бага-тархан.

Таким образом, хакасам важно было освободить от уйгурских войск территорию Тувы и разгромить уйгурскую мощь в Центральной Азии, чтобы, захватив эти земли, ликвидировать возможность нового уйгурского завоевания, а также восстановить после длительного перерыва прямые связи со многими странами, и в том числе с Танской империей. Эти цели были достигнуты к 847 г. Китайская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону правящую верхуш-

ку древних хакасов и подчинить новых хозяев Центральной Азии своей власти. Но достичь этого не удалось. Источник сообщает, что древние хакасы и «не думали служить как вассалы».

В ноябре 842 г. ко двору императора прибыл посланник древних хакасов Та-бу Хэцзу с письмом от кагана, в котором сообщалось о посылке военного отряда на розыски царевны Тай-хо. В марте 843 г. в танской столице появился новый хакасский посланник, Чжу-у Хэсу, с письмом от кагана. В подарок он привел «две знаменитые лошади». Посол был торжественно принят императором Уцзуном. В апреле 843 г. к хакасам было отправлено ответное посольство во главе с Чжао Фанем с поручением передать императорскую грамоту, признававшую хакасского правителя каганом, с пожалованием ему титула Хюн-Ву Чен-мин (или Цзуйинсюнучэнмин). Между правителями обоих государств завязалась оживленная переписка, из которой видно, что в июле того же года в Китай прибыло очередное хакасское посольство во главе с генералом Вэнь-у Хэ. Он привез в дар 10 пар соколов и привел 100 лошадей. В апреле 844 г. хакасский посланник Дидэ Исынань-чжу подарил императору от имени кагана двух белых лошадей.

В переписке говорится о войне хакасов с уйгурами, о победе хакасов, об установлении дружеских взаимосвязей. Император в своих письмах упорно советовал кагану «уничтожить, вырвать с корнем уйгуров, уничтожить их государство и города», «перехватить их в пути и истребить», выражал благодарность «за покорение уйгуров» и сожалел, что хакасов и Китай «разделяют различные народы и нашим государствам трудно действовать общими силами». Одним словом, применялся традиционный для китайской дипломатии принцип: «руками варваров подавлять варваров»¹³.

Тогда же со слов хакасских послов было составлено описание их страны, обычаев, «звуков их языка», а живописец Люй Шу написал картину, изображающую посольство Чжу-у Хэсу. «Синь Тан-шу» сообщает: «Чжу-у— это варварская фамилия; хэ— решительный, су— левый, что означает „обладающий военной силой и хорошо стреляющий из лука с левой руки“».

Каган хакасов Хюн-ву Чен-мин, хакасское имя которого осталось неизвестным, был искусным полководцем и принимал личное участие в сражениях с уйгурами. Стараясь установить дружественные отношения с Китаем, он исходил из собственных интересов и отстаивал самостоятельность своего государства. После его смерти в 847 г. ту же политику проводил его преемник Ин-ву Чен-мин-каган. В отличие от тюрков и уйгуров хакасы не нападали на провинции Китая, поддерживали дружественные связи с Тибетом, кимаками, карлуками Семиречья и арабами Средней Азии. Они обменивались посольствами и вели взаимовыгодную торговлю.

В 860—873 гг. хакаские послы трижды приезжали к танскому двору. Хакасы не стремились иметь общие границы с Китаем. В их государство в IX—XII вв. входили лишь территории Хакаско-Минусинской котловины, земли от Алтая до Среднего Иртыша на западе и районов Средней Оби на северо-западе, Тувы, Северо-Западной Монголии и Прибайкалья. На территории современной Центральной и Восточной Монголии продолжали жить уйгуры, потомки тюрков-туго и другие тюркоязычные племена, которые после 840 г. были подведомственны управлению хакасской администрации, а затем, очевидно по мирному договору, стали самостоятельными.

О том, что в первое время там были чиновники-администраторы, говорит единственная пока хакасская надгробная надпись с тамгой конца IX в., найденная в верховьях р. Селенги, т. е. на древней родине уйгуров. Это надпись на памятнике кыргызскому судье Бойлу, подчинявшемуся упоминавшемуся выше наместнику Бага-тархану. Интересно, что судья обязан был, видимо, контролировать древние земли уйгурского каганского рода Яглакар, за населением которых, естественно, нужен был особый присмотр. Примечателен факт, что верховным наместником покоренной Уйгурии каган древних хакасов поставил перешедшего к нему на службу уйгурского вельможу Бага-тархана, подчинив ему своих чиновников и охранные войска.

Основная экспансия хакасов в IX в., по данным восточных и западных мусульманских авторов, была направлена в Восточный Туркестан. Уже в 841—842 гг. древнехакасские войска, преследуя уйгуров, захватили часть Джунгарии, ворвались в Восточный Туркестан и в марте 843 г. захватили города Бейтин (Бешбалык) и Аньси (Куча) и доходили вплоть до Кашгара.

Анонимный автор сочинения «Худуд ал-Алам» подтверждает сведения о завоеваниях хакасами восточнотуркестанских владений карлуков, указывая, что город «Пенчул расположен в области карлуков; его владетель прежде был в зависимости от тогузгузов (т. е. уйгуров.— Л. К.), а теперь им владеют киргизы». Название г. Пенчул одни исследователи переводят как «Пятиградие» и принимают за него Бешбалык, другие — Учтурфан. По нашему мнению, название города надо переводить как «Пятиречь».

Завоевательная политика хакасов преследовала одну цель: не дать возможности укрепиться в этом районе своим старым врагам — уйгурам, которые могли прервать давние дружественные торговые связи хакасов со Средней Азией, как это было в VIII—IX вв., когда уйгуры отрезали хакасов от Средней Азии, Тибета и Китая.

Восточнотуркестанский поход был сравнительно кратковременным, и к началу X в. хакасы вернулись на территорию северо-западной Монголии и Тувы. В «Синь Тан-шу» сообщается, что «хягас не мог совершенно покорить уйгуров». Такой ход

событий подтверждается сообщениями письменных источников с дальнейших судьбах Центральной Азии.

Судя по данным «Худуд ал-Алам», в IX в. хакасы владели и Алтаем. В источнике сказано, что «область одного из хырхызских племен» включает «гору Тулас» (Алтай.—*Л. К.*): «На этой горе водится соболя, а [также] много серой белки и мускусной газели». В другом месте сообщается, что «некоторая часть хырхызов» находится на запад от областей тогузгузов и тухси. Это свидетельствует о продвижении части древнехакасских войск к западу и юго-западу от Алтая, на Средний Иртыш и в Джунгарский Алатау.

То, что Алтай еще до 40-х годов IX в. входил в состав древнехакасского государства, видно из сообщения другого источника: «Эта страна упирается в западную сторону Темных гор (очевидно, Восточных Саян.—*Л. К.*), имеет Золотое море (оз. Алтын-Кёл, т. е. Телецкое озеро.—*Л. К.*), которое, разделяясь, образует две реки (в Алтын-Кёл с юга впадает река Чулышман, а с севера вытекает река Бия.—*Л. К.*)»

Сопоставление разноязычных письменных источников с новыми археологическими данными позволяет составить более полную картину завоеваний древнехакасских войск в 40-х годах IX в. Выясняется, что хакасы совершали походы и на запад, вслед за бежавшей в этом направлении частью уйгуров. К середине IX в. хакасы захватили не только район современного новосибирского Приобья, но и Среднего Иртыша. Таким образом, в конце IX в. древнехакасское государство занимало обширную территорию от среднего течения Иртыша на западе до Байкала и бассейна р. Селенги на востоке. Северной границей служило правобережье р. Ангары, от устья которой граница шла на запад по р. Чулыму до устья р. Кии и далее несколько южнее современного Томска.

«Синь Тан-шу» сообщает: «Хагас было сильным государством; по пространству равнялось тукюэским владениям (т. е. занимало площадь, равную территории тюркского каганата.—*Л. К.*). На восток простиралось до Гулигани (т. е. до курыканов на оз. Байкал.—*Л. К.*), на юг — до Тибета (т. е. до Восточного Туркестана.—*Л. К.*), на юго-запад — до Гэлолу (т. е. карлуков Семиречья.—*Л. К.*)».

В начале X в. в Северном Китае возникло государство Ляо (916—1125), созданное монголоязычными племенами киданей. Первый император киданей, Абаоцзи, расширяя границы своего государства, вторгся в 924 г. с большим войском в Центральную Азию, где он уже не встретил хакасов. Источники указывают, что он «на западе захватил древние земли туцзюэ (т. е. тюрков.—*Л. К.*)» и «вступил в область уйгуров», а 2 октября 924 г. «достиг древнего уйгурского города», т. е. руин Орду-Балыка на р. Орхон. Это подтверждает, во-первых, факт добровольного ухода древних хакасов из центральных районов Азии к 20-м годам X в. и, во-вторых, предоставление хакасами этой

части страны в управление оставшимся здесь уйгурам и другим местным племенам.

Сообщение о том, что Абаоци в долине Орхона захватил Футучэн, которым владели древние хакасы во время своего господства в Центральной Азии, вряд ли может означать, что в 924 г. это все еще был «кыргызский город», как полагает Х. Пэрлээ. Очевидно лишь одно — древние хакасы до своего ухода на запад владели этим городом, но в целом вопрос еще нуждается в дополнительном изучении. О тюрках и уйгурах в Центральной Азии, живущих к западу от киданей, сообщал в 953 г. и путешественник Ху Цяо: «На западе живут туцзюэ и хуэйхэ (тюрки и уйгуры.— Л. К.), а на северо-западе граница доходит до [земель племени] оуцзюэлюй... К западу от оуцзюэлюйцев живут сяцзя(сы)», т. е. древние хакасы.

Не поддающиеся пока отождествлению племени оуцзюэлюй обитали в середине X в. в долинах рек Селенга и Мурэн к северу от хребта Хангай, а хакасы жили на современных территориях Северо-Западной Монголии, Тувы и Хакасско-Минусинской котловины.

В том же 924 г. киданьские войска перешли пустыню Гоби и захватили несколько городов Восточного Туркестана. Жившие там уйгуры принуждены были временно им покориться. Источники не сообщают о завоевании киданями территорий Тувы, Алтая и Северо-Западной Монголии. Последняя продолжала входить в состав государства хакасов до XII в. По данным хроники «Ляо-ши», кидани с хакасами не воевали.

В «Худуд ал-Алам» указывается, что каган хакасов жил в начале X в. уже не к югу от Танну-Ола, а в «городе Кемиджет» («город на р. Кем»), т. е., очевидно, в одном из бывших уйгурских городов-крепостей на Улуг-Хеме в Туве. В середине X в. главная ставка хакасского кагана была перенесена из Тувы в северную часть современной Хакасии, видимо на место слияния рек Белый и Черный Июс. Такой вывод можно сделать на основании приведенного в книге персидского историка Гардизи (XI в.) «Украшение известий» описания пути торговых караванов из Восточного Туркестана в ставку кагана хакасов.

Хакасы установили с киданями в начале X в. мирные, дружественные отношения. Некоторые из них ездили в государство Ляо для того, чтобы получить образование. Так, в одном источнике под 931 г. сказано, что «юго-западная граница [государства киданей] руководила приходом стремившихся к просвещению людей государства Хягясы». В «Ляо-ши» сообщается, что в 948 г. мятежному киданьскому вельможе Бьен-ду было указано ехать послом в государство хакасов. В ноябре 952 г. и в 977 г. хакасы присылали в Ляо свои посольства с подарками, очевидно стремясь завязать торговые отношения. В XI—XII вв. южные княжества древнехакасского государства располагались на землях Тувы и современной Северо-Западной Монголии¹⁴.